

Описанные в этой книге персонажи и события
вымышлены.

Любое сходство с реальными людьми,
живыми или умершими, является случайным
и не задумывалось автором

Моим дочерям, Эмме и Меган

ПРОЛОГ

Цепь надо мной скрипит на ветру, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Должно быть, я ненадолго впал в забытие, когда меня бросили в клетку, а теперь очнулся от холода. Вокруг темно, до рассвета еще далеко. Закрываю глаза, пытаюсь обрести покой, но раны не дают измученному телу передышки. Я знаю: когда придет сон, он будет долгим и мрачным, ведь мое время в Амуране почти истекло. Представляю, как руки Десты обнимают меня в последний раз, и непрошенные слезы текут по моему обветренному лицу. Хотел бы я вновь стать ребенком, вернуться в то время, когда жизнь была беззаботной! Увы, Динас пристально следит за бесконечным течением реки времени, которая неизменно движется в одну сторону и в конце отпущенного срока приводит всех нас к Навану. В последние дни я часто задавался вопросом, что случится, когда Наван встретит меня в Чертогах мертвых. Как оценят мою жизнь? Надеюсь, лучше, чем мою смерть, которая уготована лишь для предателей и братоубийц.

Что-то скребется о прутья клетки, в воздухе хлопают крылья: это вороны дерутся за лучшее место,

ТИМ ХАРДИ

чтобы клевать мою плоть. Я уже свыкся с непрерывными мучениями и не замечаю, как клювы рвут истерзанное тело. Скоро все закончится, говорю я себе. Скоро. Странно думать, что столько лет я был здесь счастлив, пока рос под присмотром отца. Крепость Ульфкель — мой родной дом, и я вспоминаю те далекие времена, когда Большой зал еще не залили кровью.

ГЛАВА 1

— Врешь!

— Нет, Ротгар, не вру. Полурукий еще строже, чем старая Этта. Вот, смотри,— похвастался мой старший брат Йорик, задирая белую льняную рубаху, чтобы показать спину.

И действительно, на ней виднелись уже побавревшие кровоподтеки. Я уставился на синяки, и от смешанного чувства благоговения и зависти у меня скрутило желудок.

— Говорю же, мы использовали настоящие топоры,— мрачно продолжил брат, поправляя одежду.— Тебе придется нарастить мускулы, если хочешь пережить первый урок с мастером оружия.

— Тогда почему он ударил тебя по спине? Ты убежал?

— Ах ты...

Я был мельче, зато быстрее и проворнее. Увернувшись от брата, я метнулся прочь, за пиршественный стол в Большом зале. В мгновение ока Йорик бросился в погоню и почти настиг меня, ведь ноги у него

были длиннее моих. Я со смехом оглянулся, налетел на что-то массивное и рухнул на землю. Надо мной нависал Кольфинн Марлсон, глава клана Ривсбург. Подбежал и Йорик.

— Мальчики мои! — тепло воскликнул отец, словно эта сцена не представляла собой ничего необычного; впрочем, так оно и было.— Отряхнитесь и займите свои места за столом. Сегодня вечером мы принимаем Гаутара и его сына.

Хотя отцу перевалило за сорок, его фигура поражала мощью. Широкоплечий, с могучей грудью, он на голову возвышался над большинством мужчин нашего клана. Даже в четырнадцать по Йорику было видно, что сложением он пошел в отца. Я же унаследовал более стройную фигуру матери и очень надеялся, что после нескольких застолий обязательно наверстаю упущенное.

Мы уселись в голове пиршественного стола. Места слева и справа от отца предназначались для тех, кто занимал высокое положение, хотя я заметил, как моя младшая сестренка Нуна, златокудрая и с очаровательной белозубой улыбкой, вскоре забралась к отцу на колени. После смерти нашей матери в его сердце нашлось особое место для семилетней дочери. Мама умерла, произведя ее на свет, и потому отец еще больше дорожил Нуной. Нуну любили все. Она обладала даром оживлять комнату одним своим присутствием. На почетном месте по правую руку от отца сидел один из его ярлов — Гаутар Фалруфсон из Ромсдаля. Даже этот кряжистый седой

воин, который был на несколько лет старше своего вождя, не смог устоять перед обаянием Нуны и широко улыбнулся, когда малышка угостила его сладостями со своей тарелки. Похоже, сын Гаутара, Рагнар, серьезный темноволосый юноша, испытывал куда меньший восторг и, нахмурившись, подозрительно оглядывал собравшихся за столом. Воины Гаутара защищали от клана Ворунд южную границу наших земель в Ромсдале и пользовались большим уважением.

Очевидно, что пиршество устроили по какому-то очень важному поводу — даже Этта, моя престарелая наставница и советница отца, покинула свои покои. Ольфрид Полурукий похлопал Йорика по спине, поздравляя с последним уроком и не замечая, как брат морщится от боли. Отец и Гаутар принялись обсуждать какие-то важные государственные вопросы, я же, не обращая на это особого внимания, набивал рот свежим хлебом, вареной свининой, соленым сыром, копченой рыбой и пирогами. К концу трапезы я наелся до отвала и пребывал в уверенности, что к утру вырасту на целый дюйм. Еще мне хотелось спать, но ушел я только после того, как перед нами спел Дарри, придворный скальд крепости Ульфкель.

Дарри вошел в Большой зал, успокаивая шумную толпу чарующей мелодией лиры. Когда слушатели угомонились, он занял свое место у очага и начал с песни о Риве. Вскоре все подпевали саге о великом переселении кланов, которые пытались спастись от

невзгод войны и начать жизнь заново в суровых северных землях. Кое-кто из воинов постарше, включая Ольфрида, плакал, когда скальд увлек нас в это долгое и трагическое странствие. С трудом верилось, что отец сейчас сидит на том самом троне, на котором полтора века назад восседал Рив. Впрочем, спустя несколько минут Дарри изменил мрачное и печальное настроение слушателей, задорно ударив по струнам и разразившись чередой разудалых застольных песен. Йорик сказал мне, что некоторые из них о *дамах*, и эти песни никогда и ни при каких обстоятельствах не следует повторять при Нуне (которую, несмотря на ее громкие протесты, давно отправили спать). Я важно кивнул, хотя в десять лет имел весьма туманное представление, о чем в них поется.

Скоро (на мой взгляд, слишком скоро) на мое плечо мягко легла рука Финнвида Эйнарсона. Командир ривсбургских воинов и ярл крепости Ульфкель был ровесником моего отца. В то время как вождь с годами раздался вширь, Финнвид оставался стройным и подтянутым, и никто не мог сравниться с ним в умении владеть мечом. Ярл заслуженно слыл грозным воином, а люди уважали его за спокойную властность.

— Пойдем, юный господин, пора спать, — сказал Финнвид и, выводя меня из зала, добавил, должно быть заметив, что я готов воспротивиться: — Твоя мать никогда не позволила бы тебе бодрствовать до этого часа, Ротгар, уж поверь.

Судя по всему, мама души не чаяла в нас с братом. Она умерла, когда мне было три года, и я ее почти не помнил, поэтому Йорик часто рассказывал, как мама играла с нами, и напевал песни, которые она пела. Моим самым ранним воспоминанием стали ее похороны и застывшее, как каменная маска, лицо отца, когда он стоял перед погребальным костром. Йорик, которому было семь, безудержно плакал, держа меня за руку. Помню, как я наблюдал за разгорающимся пламенем, пока отец с любовью говорил о маме перед толпой скорбящих представителей влиятельных семей клана. Казалось, он был уверен, что когда придет время суда, Создатель взвесит мамину жизнь и сочтет ее достойной. Я в свои три года не сомневался в отцовской правоте. Мне представлялось, что искры, летящие от погребального костра, это частички ее души, устремляющиеся в чертоги Навана. По мере того, как на небо напозали сумерки, ветер уносил их ввысь, и они танцевали перед моими глазами, пока красное сияние не исчезло. Только Йорик все еще плакал рядом со мной, крепко сжимая мою руку, словно боялся, что я тоже исчезну.

— Ты что-то притих, малец,— заметил Финнвид, когда мы медленно шли по темным коридорам крепости, а звуки пьяного веселья за нашими спинами растворялись в ночи.

— Думал о маме,— признался я.

— Алайна была красивой женщиной.— Голос Финнвида в темноте прозвучал с той же печалью, что

ТИМ ХАРДИ

охватила и меня.— Знаешь, твоя сестра — вылитая мать.

— Все так говорят,— ответил я, внезапно желая сменить тему.

Финнвид был воином, не стоило ему видеть мои слезы: ведь мне, сыну вождя, надлежало быть сильным. Наверное, он почувствовал, что я огорчен, и весь оставшийся путь до моих покоев шел молча, оставив меня наедине с моими мыслями.

ГЛАВА 2

Из-за утраты матери я еще больше дорожил временем, которое уделял мне отец. С возрастом я понял, что ему, наверное, было нелегко заботиться о трех детях и управлять владениями. Впрочем, даже когда он отсутствовал или занимался государственными делами, в крепости всегда были доверенные люди, которые за нами присматривали. Рядом постоянно находился ярл Финнвид, поклявшийся защищать детей Кольфинна своим мечом так же ревностно, как самого вождя клана. Старая Этта давала уроки нам троим; мы учили буквы, цифры и историю. Пока служанки Нуны, Амма и Катла, помогали ей постичь тонкости поведения девушки знатного происхождения, Ольфрид Полурукий, мастер оружия, обучал Йорика ратному делу. Полурукий набирал будущих воинов с десятилетнего возраста и только тогда, когда считал, что они готовы стать его учениками. Весной двести второго года мне исполнилось десять лет, и я ожидал, что меня вскоре тоже позовут на круглую площадку для тренировок. Однако шли недели, весна смени-

лась летом, а вызова так и не последовало, и я начал задаваться вопросом, почему обо мне забыли.

— Ольфрид знает, сколько тебе лет и что ты хочешь проявить себя,— заверил отец, когда однажды вечером я заговорил с ним на эту тему.— Он не раз видел, как вы с Брамом и Хаарлом сражаетесь на деревянных мечах по всему Большому залу. Я предложил, чтобы он взял в обучение тебя и сына Брунна Четыре Ветра нынешним летом, когда Брам исполнится десять. Есть еще один паренек, которого Полурукий согласился взять по моей просьбе. Вполне разумно, что вы трое начнете подготовку вместе.

Наверное, на моем лице отразилось разочарование, потому что отец сильной рукой ласково обнял меня за плечи.

— Скоро настанет и твой час. Поверь мне, когда ты с головы до пят будешь покрыт синяками и каждая мышца в твоём теле будет болеть, ты пожалеешь, что больше не играешь с деревянными мечами. Послушай, погода установилась хорошая, и, если завтра с утра будет ясно, давай выйдем в море на «Гордости Марла». В последнее время я что-то засиделся.

В ту ночь я почти не спал от волнения, а проснувшись чуть свет, сразу бросился к окну, где меня встретило утреннее солнце, которое отражалось от спокойных вод Редфарского моря. Отец сдержал обещание, и Брунн Четыре Ветра, капитан «Гордости Марла», тепло приветствовал нас на борту. Вокруг суетилась команда, готовясь к отплытию. Огромный

корабль о пятидесяти веслах отец построил с одной целью: сеять страх среди наших соперников и вести с ними войну. Когда украшенный орлом клана Ривсбург парус развернулся и наполнился ветром, у меня возникло ощущение, что с каждым взмахом весел судно словно взлетает над волнами. Мы направились на восток по расширяющемуся устью реки Йельт; деревянные стены Ривсбурга и каменные башни крепости Ульфкель быстро исчезали из виду.

— Сегодня утром ты оправдываешь свое имя, Брунн,— заметил отец.

— Да, Кулдаф благоволит к нам,— ответил Брунн, и его бороду прорезала широкая белозубая улыбка.

В заповедях Рива говорилось, что ласкарские кланы утратили веру в богов после их падения, которое привело к Войне божеств, однако моряки вроде Брунна по-прежнему возносили традиционные молитвы Кулдафу, хозяину воздуха и ветров, а еще Нанкидо, повелителю вод и морей.

— Ну, куда путь держим? К северному берегу до Каламара или на юг до Ромсдаля?

— Нет,— рассмеялся отец.— Давай-ка выведем судно в открытое море и покажем мальцу настоящее морское искусство.

Брунн кивнул и отдал приказ. Поздним утром мы вышли из устья реки Йельт и двинулись дальше на восток, в открытое море.

До сих пор я с теплотой вспоминаю самый первый раз, когда отец взял меня в плавание. Четырехлетний мальчуган, я все еще оплакивал мать, и, думаю, в тот

день отцу хотелось сбежать из Ривсбурга не меньше, чем мне. Погода стояла далеко не такая благоприятная, как во время нынешнего путешествия, и потому бушующие сизо-стальные воды Редфарского моря показались мне воплощением неведомого. «Гордость Марла» то поднималась на больших пенистых волнах, то опускалась, и немного погодя я извергнул свой завтрак, обессиленно перегнувшись через борт. Сегодня же я свободно бежал по палубе вместе со своим другом Брамом, и мы оба чувствовали себя как дома.

Брунн Четыре Ветра зычно выкрикивал распоряжения, а команда быстро их выполняла. Отец удовлетворенно наблюдал, как за кормой удаляется берег. Вскоре повсюду, куда ни посмотри, простиралось Редфарское море, и только несколько шумных чаек кружили высоко в небе, составляя нам компанию.

— В какой стороне Рилтбалт, сынок? — спросил отец, хлопнув меня по плечу.

Простой вопрос! Я улыбнулся и показал на восток, представляя себе далекое побережье, которое никогда не видел, где лежали земли вражеского клана Рилтбалт. Брунн со своим сыном обменялись взглядами, и я понял, что прав. Отец одобрительно кивнул.

— Значит, ты без труда скажешь, где находится Ворунд.

— На юге,— рассмеялся я, хотя мне стало не по себе. Люди из клана Ворунд были нашими заклятыми врагами, их вождь Асмар часто совершал набеги на наши берега.— Отец, ты же не собираешься плыть так далеко на юг?

Увидев мою тревогу, отец улыбнулся.

— Нет, сынок. Однажды, когда Полурукий скажет, что ты готов, ты сам отправишься в это путешествие, как все мужи клана Ривсбург, которые хотят быть доблестными воинами. Будь у нас больше времени, я бы направил корабль на север, чтобы показать тебе Льдистые горы, которые высятся на другом берегу Редфарского моря, отмечая начало Бескрайнего океана. Говорят, что только горы Раннох выше Льдистых. А со временем ты ступишь и на Северные равнины. Люди там настолько привыкли к лошадям, что не доверяют морю. Степи, где они живут, простираются во все стороны, насколько хватает глаз, и не встретишь ни деревца, пока не доберешься до проклятого леса Горгорач. Высадившись там с моим отцом, я не мог поверить собственным глазам.

— А еще есть горы Барос и озеро Талл,— добавил я, представляя себе все эти места.— Этта показывала мне древние карты, на которых земли клана Норлахст граничат с нашими на севере, а владения клана Ворунд и Северные равнины — на юге. На западе, за горами Барос, находятся кланы Хельсбург и Виттаг, наши союзники и торговые партнеры.

Я улыбнулся, радуясь возможности похвастаться своими знаниями. Внезапно мне в голову пришла мысль, и я нахмурил брови.

— Почему Северные равнины называют Северными, если они лежат на юге?

Отец с Брунном расхохотались.